

Философский камень Валерия Алексеева

Поэты не уходят безвременно, потому что живут вне времени. Расхожая тема рассуждений: а что было бы, если бы... Если бы Дантес промахнулся, если бы «скорая» вовремя приехала в «Националь», если бы оборвалась петля в «Англетере»... Ничего бы не было, поскольку История не терпит сослагательного наклонения...

Валерий Алексеев жил в своем времени. Во временах, точнее: столь разных, что окинуть их взглядом разве что прожив, как он, восемь десятилетий. О многом вспомнили коллеги по цеху, провожая старика в последнюю ссылку. Вроде как на виду был он, даже «под занавес» получил никого ни к чему не обязывающий статус Почетного гражданина Ангарска. Книги выпускал, в процессе печатался, до последних дней не по-стариковски шустро бегал по редакциям...

Но была в жизни Валерия Алексеева Книга, о которой не вспомнила творческая богема. Начал он ее поздно и, честно говоря, под некоторым принуждением.

- Я не буду больше публиковать ваших стихов, Валерий Анатольевич, - объявил я ему тогда не шибко, видимо, вежливо.

Стихотворец обиделся не на шутку. Хотя у меня как у редактора, были достаточно принципиальные причины не помещать в газете рифмованных строк. Первая, и основная: на публикацию одного приличного стихотворения моментально реагировали сонмища графоманов, забрасывая мой стол мегатоннами никчемной бумаги. Да и Валерий Анатольевич, положила руку на сердце, порой откликался строкой на красные дни календаря по простой и понятной причине: пенсии на прожить не хватало. А кто не обречен время от времени на литературную поденщину?!

- Да я эти стихи шестьдесят лет уже строгаю! – вскипел мой посетитель. «Папа Карло», - пробормотал я про себя, а вслух сказал как можно корректнее:

- Вы, Валерий Анатольевич, прожили такую долгую и сложную жизнь, что на десятерых бы хватило. И Москва, и стройка, и тюрьма... Попробуйте рассказать об этом. С подробностями и – я умоляю! – в прозе.

Алексеев недоверчиво и сердито блеснул на меня очками, склонив голову к плечу более обычного.

- Знаете, никогда даже не пытался писать ничего подобного...

И ушел, унося, как святыню, объемистый поэтический портфель.

А через неделю появился вновь и извлек из него аккуратно отпечатанные на машинке с двухцветной лентой желтоватые листы. А в них был вечер в московской «высотке», безумно молодые студенты МГУ, хозяйка квартиры Светлана Молотова и рассыпающийся звездами над снявшей затмение Москвой салют Победы.

Так начался «Звездный дождь над Кремлем».

Он появлялся в кабинете как часы, выкладывал на стол очередную главку с пришпиленными к ней пожелтевшими фотографиями и не меньше меня удивлялся вдруг открытому в себе на склоне лет таланту прозаика. Вспоминал о людях малых и великих, о Сталине (всегда корректно), о стройках и лагерях... Последней теме много места не уделял: его домом была все же великая страна, а не каторжная тюрьма.

- Всё Алексеева печатаете? – заметила как-то при встрече поэтесса Любовь Щедрова. – В Литобъединение многие читали. Красиво пишет, но вред ведь, безбожно врет!

Возможно, энциклопедическая память порой подсовывала старику псевдореминесценции. Но как не убийственны были рецензии собратьев по перу, еженедельно являлись на редакционном столе «Ангарских новостей» безупречно грамотные, стилистически отточенные главы рождавшегося на глазах исторического романа.

Порой мемуариста заносило, и тогда возникали в «Звездном дожде» стихотворные вкрапления, которые и я, и заместители добросовестно вымарывали из текста.

- Но это же неотъемлемая часть повествования, мои чувства того времени! – обреченно возмущался поэт и вновь переходил на прозу.

Точку в неоконченном романе заставила поставить газетная технология: чай, не времена Достоевского, сериалы нынче – прерогатива телевидения.

- Вы меня, Сергей Владимирович, сподвигли на это начинание, - благодарностью на благодарность ответил Алексеев, с сожалением собирая в портфель машинописные листы.

Были у Валерия Анатольевича в последние годы еще прозаические пробы. Но истинной Книгой жизни стал, я думаю, все же «Звездный дождь над Кремлем», которому – отчасти по моей вине – не суждено было стать отдельной книгой. Именно там открыл он свой философский камень, обращающий в золото свинец типографских строк. Камень куда более ценный, чем все «соловецкие».

Зиннер, С. Философский камень Валерия Алексеева //

Вся неделя. – 2003. – 11 сент. – С. 2.